

Г. КОТОВА

НЕЛЕГКО ЖИВЕТСЯ ПТИЦАМ

— Нет, вы послушайте, люди добрые, что дочь выдумала — в артистки! — мать с венником в руках бегала за негодницей вокруг дома. Отец, хотя и не выражал негодования столь бурно, приговаривал: «Земля нас держит, Мария, земля... Нукуда от нее не уйдешь!».

Она и сегодня, став известной всему миру Марией Биешу, с грустью вспоминает, как в штыки была встречена родителями ее большая радость — приняли в консерваторию! Но что их винить? Им, простым сельским труженикам, всегда казалось, что все, не связанное с землей, с зорями, встречаемыми в поле, — труд не настоящий. А петь — и поодному одно развлечение, забава.

Да разве только они так думали! Сколько еще людей и вправду считают, что жизнь актера — сплошной фейерверк! Может быть, оттого, что мы замечаем внешнюю, эффектную, красивую сторону. Слышим аплодисменты, видим цветы, что преподносят артистам. Немного дано и доступно узнать другое.

Конечно, и ее путь в искусство выглядит стремительным восхождением на Олимп. Сельскохозяйственный техникум и занятия в самодеятельности, консерватория и работа в народном ансамбле «Флуераш», победа на художественном конкурсе Всемирного фестиваля молодежи и студентов и кишиневская оперная сцена, победа на III конкурсе имени Чайковского и звание лучшей в мире Чио-Чио-Сан, привезенное с Первого меж-

дународного конкурса исполнительниц партии Баттерфляй в Токио. Певица, любимая и почитаемая публикой. Депутат Верховного Совета СССР, народная артистка СССР. Казалось бы, даже после этого беглого перечня успехов так странно звучат ее слова (уж не кокетство ли это?): «Если бы кто знал, сколько приходится певцу работать, отказываться от очень многого, приятного в жизни. Если бы зрители хоть на минуту представили себе это, они иначе относились бы к актеру и вообще к искусству». И добавила: «Когда я слышу комплименты «поет, как птица», я думаю, как тяжело живется птицам!»

Что у Марии Биешу самое заветное? Она отвечает:

— Наверное, петь хорошо. Петь всегда хорошо, принести людям радость. Чтобы, слушая музыку, они забывали о мелочности, чтобы, отключившись от житейских дел и забот, вместе со мной пели бы и переживали бы вместе со мной ту трагедию или ту радость...

Как-то в один из ее приездов в Москву она пела в Большом театре Чио-Чио-Сан. Была музыка Пуччини, полная драматических взрывов. Была во всем внешнем облике мадам Баттерфляй — Биешу, в том, как она двигалась, держалась на сцене, сдержанность, так свойственная японцам. И только голос, как рвущаяся на волю раненая птица, не мог скрыть и сдержать боль сердца, не перенесшего предательства, измены, разлуки с сыном.

На следующее утро после спектакля она сказала:

— Вчера я прощалась на сцене с сыном, как будто навсегда, если бы у меня был свой собственный. Тот, кто волнует публику, всегда вкладывает в исполнение и свою долю жизни. То ли это неудачная линия судьбы, то ли потеря близкого. Не знаю, но что-то обязательно личное. Я так часто умираю на сцене. Обидно — хочется по-настоящему плакать, словно это и в самом деле случается со мной. А потом хожу после спектакля, как убийца, будто у меня горе... Говорят, это расточительно — вот так выкладываться на каждом спектакле. А если играть только на эффекте? Нет, не могу!..

Она и в самом деле часто «умирает» на сцене. Гибнут Тоска, Чио-Чио-Сан, Лиза, Недда... Можно много говорить о том, как Мария Биешу лепит каждый свой сценический и вокальный образ, какие краски всякий раз находит красавица Тоска или нежная, как цветок, и хрупкая Чио-Чио-Сан. Это действительно интересно, и это требует специального разговора. И все-таки, кажется, все оперные партии, спетые Биешу на нашей и зарубежной сценах, слагаются в один собирательный образ — многогранный человеческий характер, очень понятный и близкий сегодня людям. Потому что ищет она контакта с ними в человеческом плане. Потому что, обращаясь к нам, сидящим в зале, заставляет подумать о самих себе, о своей жизни, о своем отношении к другим людям, заставляет заговорить голос нашей собственной совести.

Как ей это удастся — уже другой вопрос. Может быть, как раз своим расточительством — «выкладываться» до конца на каждом спектакле. А может быть, еще чем-то другим, что мы зовем «искрой божьей». Но, несомненно, освещено это прекрасным знанием того, что сегодня нужно людям, которым несет она свое искусство...

Простая, приветливая, чуткая, она не похожа на привычно сложившийся образ оперной примадонны. Такая не позавидует чужому счастьем, а порадуется ему. Такая и печаль чужую примет к сердцу, как свою.